

ИСУС
РОК
ЗВЕЗДА

CREEPMYNAME

Исус Рок Звезда.

Глава 1.

Незримое.

Обычный день Эдварда Вудленда начинался с легкого завтрака, в который входила пинта пива, перемешанного в блендере с яйцом и сыром беконом – он был из тех людей, которые были, как говорят в народе за здоровое питание, почти. Он любил это так же, как и свои *самокрутки*, которые выкуривал одна за другой в поисках нового вдохновения, от которых все время пытался отказаться, но он понимал, что это сложный и тернистый путь. Вудленд пытался бросить курить траву, но когда он бросал, то ему казалось, что весь мир ополчился против него и уже ничто не сможет унять его вечных грез и страданий о чем-то великом...

На часах было три часа дня, когда Вудленд открыл глаза. Он лежал на большом диване. Его длинные волосы, которые он частенько подкрашивал в светлый цвет, спутались в пряди, как у хипстеров, и мешали ему воззреть на этот мир. К слову, хипстеров он не любил, они казались ему слишком изнеженным поколением, поколением за которыми только и останется, что пара пластиков стаканчиков из-под смузи и несколько дырявы свитшотов. Где-то в своем подсознании он хотел изменить их, показать, иной путь их жизни, показать, насколько близки они могут быть к *Творцу*. Возможно, даже как-то переучить их. Но он также знал, что перевоспитать человека практически невозможно, поэтому надеялся, что как-то затронет их тонкие душевные струны, спрятанные глубоко внутри, за шкурой из электронных сетей, искусственного интеллекта, псевдо-психоделических кризисов переходных возрастов от пятнадцати до самой их смерти.

Подняв руку и бормоча себе под нос: «ооох же, снова новый день, я жив, и что же *ты* на этот раз мне поведаешь», он с усилием, все-таки убрал свои локоны, и уставился в потолок. На нем он каждое утро видел новые *послания сверху*, хотя с виду, это была всего лишь фреска «Сотворение Адама». Так же, как и Адам он вытянул руку с указательным пальцем вверх.

Его глаза закрылись, его тело начала пробирать пульсирующая дрожь. Дрожь все усиливалась, пока изо рта не пошла пена.

Вудленд открыл глаза. Его зрачки были расширены. Он откинул кашемировое одеяло, быстро встал с кровати, и наступая на холодную мраморную плитку, побежал к огромному панорамному окну. Он стоял полностью обнаженный. Слегка щурясь от *утреннего* солнца, он смотрел с двадцатого этажа на центральный парк и крохотных людей, что ходили там, внизу.

Вудленд снова закрыл глаза.

Чтобы закрыться.

Изнутри.

В темноте.

Он дотронулся рукой до ручки, что вела на балкон. Неспешно открыл её. И сделал шаг. Сильный ветер на такой высоте обдувал его со всех сторон. Он раскинул руки в стороны, слушая песню ветра. «О, милостивый Бог, благодарю тебя за еще один день, проснуться в этом великолепном городе, и... Прошу тебя, давай, может, сегодня день пройдет без этих сраных хипстеров?!» - сказал Вудленд и открыл глаза, развернулся и пошел прочь с балкона.

Глава 2.

Сын Бога.

Эдвард вошел в комнату, закрыв за собой створку окна. Он думал, что сегодня стоит пройтись по парку и согласовать свою первую репетицию с группой: «Таааак, ну посмотрим ребят, на подпевках, ихихихи» - захихикал Вудленд, направляясь на кухню, чтобы сделать свой фирменный завтрак. Открыв холодильник, он к ужасу обнаружил, что пива там нет, нет и сырого бекона, да и яиц-то, как таковых там тоже не оказалось. Дверь холодильника хлопнула с лязгом, подвешенные магнетики покосились в ехидной улыбке, будто сама судьба шептала ему, что пришла пора избавляться от такого образа жизни. Но ему было не привыкать к таким подаркам судьбы, и он достал из подвешного шкафчика пачку цикория. На плите заиграли синие язычки пламени. Вудленд поставил кипятиться чайник. Роясь в другом шкафчике, он нашел деревянную кружку, которую некогда вырезал из дерева еще будучи ребенком. «Ну что, *ты* думаешь, что так сможешь сломить меня?» - ворчал Вудленд себе под нос, наливая до краев большую деревянную чашу – «нет же, я тебе просто так не дамся».

Вудленд смотрел в окно. Чаша была переполнена, на её краях появились черные ниточки. На половине стола образовалась черная паутина. Она росла в размерах, пока одна из капель не упала ему на ляжку и не обожгла его. Это привело его в чувства. Он сделал глоток, затем второй, третий: «а эта штука очень бодрит, хотя...» - Вудленд посмотрел вниз – «куда еще сильнее» - и снова он захихикал. Вставая из-за стола, он направился в гостиную, где у него на стене висела одна из картин Малевича, «черный квадрат». «Все ответы прячутся где-то там, в темноте» - стоя перед картиной прошептал Эдвард. Он стоял прямо перед ней, видел малейшие штрихи руки мастера, он смотрел внутрь, в эту бесконечность, и по-видимому искал то, чего там просто нет. Он смотрел на деревянную раму, на то как оседала пыль и думал, что от этой пыли не избавиться как не старайся, хоть протирай её каждые пять минут, она будет

езде, внутри – поражая твои легкие. Еще пара тревожных раздумий, и он пошел принимать освежающий душ.

На улице стояла теплая погода, Нью-Йорк цвел и пах. Вудленд выбежал на улицу в твидовом пиджаке и направился в парк, по пути он заскочил в местную кофейню за порцией черного кофе без сахара. Спустя пару минут, он достал телефон и набрал ребят, которые будут сопровождать его выступления, он напевал себе новую мелодию.

- «Хэллоу, господа, напомните Ваш адрес, пожалуйста.»

- «Вудленд, ты на время смотрел?» – раздался разгневанный голос на другом конце в трубке, - «мы договаривались на двенадцать часов дня, слава Богу, что сегодня мы свободны, иди к нам скорее, нет... Беги...Вудленд, бегииии. Лексингтон авеню, угловое здание, шестой этаж.»

После этих слов Вудленд заторопился, не допивая остатки кофе, он выбросил стаканчик в близлежащую урну и побежал через газон, срезая углы парка. Не добегая до выхода из парка, Эдвард поскользнулся на банановой кожуре. Он выставил в перед руки, но было поздно, он летел прямо в урну с осколками и прочим мусором, оставленным посетителями парка.

Вудленд лежал в куче мусора.

Из рук струилась кровь.

«Новые испытания, да, *Творец?*» - произнес сквозь зубы Эдвард. Встал, отряхнулся и с кровоточащими руками продолжил свой путь.

Солнце постепенно садилось.

Глава 3.

Зализанные раны или встреча с паствой.

Лексингтон авеню.

Крайний дом с улицы.

Странный человек в твидовом пиджаке заходит в единственную парадную дома, за ним тонкой струйкой идет красная нить. Будто он пытается пришить остывающий асфальт к земле.

Вудленд открыл дверь и начал подниматься на шестой этаж. Там, где его уже давно ждали.

«О, наконец-то, здравствуй, Эдвард Вудленд» - поприветствовал его художавый парень лет восемнадцати, - «Мы думали, что ты не придешь, а что с твоими руками?»

«Так случилось... Никогда не стоит торопиться, иногда это приводит вот к таким последствиям» - Вудленд направил свой взгляд на кровоточащие руки.

«Сейчас, погоди, я принесу аптечку» - сказал художавый парень и удалился в другое помещение.

Эдвард тем временем разглядывал огромную залу, в которой он оказался. Все это помещение было оклеено звукоизоляционным материалом, в конце залы была сцена, там же стояли огромного размера колонки.

Сзади Вудленда раздался голос – «А вот и аптечка!» - паренек неся к нему со всех ног.

«Так тут, есть и бинты разных цветов, и антибиотики, таблетки, даже есть феназепам, если ты, конечно, хочешь...» - немного судорожно рылся в небольшой кожаной, затертой белой сумке с импровизированным красным крестом, нарисованным, вероятно, фломастером, – «Так, держи таблетку, и глотай»

Лекарство на время снимет боль.

«А теперь руки, *Исус*, блин» - паренек достал бинты и начал перевязывать руки Вудленда.

Пока два человека в центре залы что-то делали, к ним подошли еще несколько.

«Хоть Вы и опоздали на несколько часов, все равно мы рады с Вами познакомиться. Вижу с Вами сегодня приключились неприятности, но нельзя все предвидеть, ведь так? Я, кстати, Джозеф, рядом со мной Аллен – он гитарист, а этот паренек, что перевязывает тебе руки это – Вуди, играет на ударных» - закончил Джозеф.

Вудленд немного поморщился, поднял взгляд прямо на говорившего: «А ты, ты на чем играешь?»

«Вообще я вокалист» - отрезал Джозеф.

«Что ж, господа, раз мы все в сборе, может тогда и начнем? На руки не обращайтесь внимания, заживут» - поднимаясь с колен, резво провозгласил Эдвард. Но тут же вмешался Вуди: «А как же текст, позвольте спросить? Как нам играть?»

«А все просто, текст, музыка – у меня все в голове, Вы только подыграйте, а дальше само пойдет» - отрезал Вудленд.

Четверо молодых людей поднялись на сцену, и начали настраивать оборудование. Кто-то делал нужной длины провод от микрофона, кто подстраивал гитару, а кто-то разминал руки. По прошествии некоторого времени, раздался звук удара, барабанной палочки. Началось...

*Вот так!
Детка, детка, детка,
Ты чудесная конфетка,
Мои касания пробуждают
В тебе неистовые желания
Детка, детка, детка
Хэээээй, конфетка!
Посмотри на меня, встань на колени
Нет, не сбрасывай льняное платье
Нет, не стягивай свои чулки
Ведь я сейчас буду замаливать твои грехи!*

Когда они закончили репетировать, все ребята на подпевках были ошеломлены голосом и текстом, что вырывался из уст Вудленда.

«И почему мы раньше тебя не слушали» - вдруг сказал Джозеф.

«Это потому что я, в данный момент времени нахожусь в начале своего карьерного пути, когда-то, давным-давно, я услышал, как поет *Леди*, она меня покорила, своими выступлениями, своей эксцентричностью... Я хочу выступить с ней, это же будет просто что-то невообразимое, Вы только представьте – огромная толпа людей, все скандируют, ждут нас, на сцене импровизированный костер, все в восхищении и тууут выходим мы, и начинаем просвещать людей... Так, что-то я замечтался, может пройдемся по Нью-Йорку?» - закончил свою речь Вудленд. Все начали собираться.

«Чего я хочу: мечты Эдварда Вудленда. Сигарету. Выпить. Чтоб светило солнце. Забыться и заснуть. Изменить прошлое. Но больше всего в ту минуту я хотел бы выйти на сцену с *Леди Гагой*» - думал Вудленд пока они шли по парку.

Но затем кто-то из их компании предложил отметить сегодняшнюю репетицию в местном пабе. Группа из четырех человек скрылась за дверью с говорящим названием «Пол-литра».

Глава 4.

Блуждающий призрак.

После веселой попойки, Вудленд распрощался со своими новыми коллегами и отправился пешком по ночному Нью-Йорку. Ночная жизнь этого города только начиналась. Небо было скованно черными тучами и одна капля за другой падали на локоны Вудленда. Он брел по ночной улице, пока из ближайшего переулочка не услышал, что кто-то напевает какую-то старую, но давно всеми забытую песню. Он ускорил шаг. Еще, и еще быстрее. Пока не поскользнулся на чьей-то блевотине. «Опять же тебя угораздило, Вудленд!» - невольно вырвалось у него из уст. Он встал. Отряхнулся. Завернул в переулок.

Перед Вудлендом сидел пьяница, который напевал старые рок-хиты, но когда увидел, что на него кто-то смотрит с улицы, то замолчал и сразу дал деру.

Буря усиливалась.

Сама природа пыталась очистить Эдварда.

Перед глазами Вудленда встала картина из его прошлого. Он вспоминал, как несколько лет назад рисовал живопись, и его работы были довольно хороши, многие критики советовали ему выставить их в галерею искусств. И вот, он уже весь одухотворенный, берет свои картины в охапку и мчится на всех парах в местную галерею Детройта.

Его картины выставляют.

Их смотрят.

Они вызывают интерес у посетителей.

Настоящий воздушный замок, ставший реальностью. Вот только если бы воздушные замки не разрушались так быстро, пока на них не смотрят.

Спустя время приезжает известный ценитель прекрасного – Фабиано Берлускони.

И.

Разносит все в пух и прах.

Этого Вудленд стерпеть не мог.

Он был раздавлен.

Душевная боль всегда внезапна. В отличие от боли физической, к ней нельзя подготовиться или привыкнуть, она накрывает с головой, и далеко не каждый может от нее оправиться.

Его начали посещать мрачные мысли.

Он бежал.

Бежал из Детройта без оглядки.

И решил выбрать Нью-Йорк.

Одним поздним вечером, когда он возвращался домой из пиццерии, он слушал карманное радио, *NY-FM*, на котором началась композиция Леги Гаги – *BAD ROMANCE*, он сразу понял, что это его дело. Что надо начать писать музыку.

Вудленд пришел в себя и направился домой. Поднявшись на свой этаж, он зашел к себе и подошел к окну. Буря стихла. Рваные облака расступились. На небе засияли звезды. Нью-Йорк засверкал внизу, словно россыпь бриллиантов на черном бархате. Эдвард всматривался вдаль. Пытался разглядеть что-то там... На горизонте...

Глава 5.

The Lady.

Некоторое время спустя.

Вудленд уже дал несколько новых выступлений в Нью-Йорке со своими мальчиками. О нем знали. Его слышали. Его слушали. В своих песнях он воспевал любовь к *Творцу*, говорил о нем, как о своем отце. Некоторые даже начали изучать религию.

Но самое главное, что случилось в жизни Вудленда – это его встреча на красной дорожке с Леди Гагой. Он так долго этого ждал. И вот. Это случилось.

Эдвард предложил этой незнакомке продолжить встречу в баре и предложить ей некие условия сотрудничества в области музыки.

Она ответила согласием.

«Эдвард, а скажите» - начала Гага, - «почему в Ваших текстах так часто упоминается Бог и евангелие от Матвея, стих четырнадцатый, глава семнадцатая, но, разумеется в более современной трактовке?»

На лице у Вудленда было удивление.

«Дело в том, что грядет апокалипсис, мне бывают сняты пророческие сны, и я хочу сблизить людей, убрать их ненависть. Даже если Судный день и не случится, то может они просто станут добрее друг к другу. Может. Главное - это начать, и они сами к тебе потянутся»

«Значит проведем большой совместный концерт на стадионе?» - уточняла Гага.

«Да-да, именно, а по центру будет большой костер и... Пиньята, висеть в воздухе, после окончания она взорвется и на всех выпадет освещенное конфети».

Глава 6.

Прощай американская мечта.

В тот день, когда у Вудленда с Гагой должен был быть великий совместный концерт, Эдвард слишком много выпил виски *Hennessey*.

Собралось очень много народу, весь ста двадцати тысячный стадион был забит полностью. Все скандировали их имена. Из далека слышалось «ЛедиВу».

Ведущий, что находится в центре, рядом с костром, говорит в микрофон, что вот-вот выйдет Вудленд, а за ним и Леди Гага.

Эдвард сделал крайний глоток из бутылки, вышел из-за кулис.

Публика встречала его овациями.

Он начал петь.

Но он слишком много выпил.

Вудленду стало плохо.

Он упал на сцене.

Его сердце с каждым ударом стучало все медленнее. Было похоже на то, что у него сердечный приступ. Публику охватила паника. Маленькие люди с другого конца стадиона в синих рубашках, кажется, бежали к лежащему человеку. Смерть писала Вудленду кровавые валентинки.

Внезапно кто-то приподнял голову Вудленда, это была Леди Гага. Она что-то говорила ему. Делал искусственное дыхание.

«Без помощи Леди, я был бы уже трупом. И в первый раз за столь долгое время, я чувствовал, что не хочу умирать» - позже говорил Вудленд.

Но в тот момент, проблевавшись, он встал, и они задали огненный концерт.

После него они решили покинуть стадион, сели в черный седан Гаги и уехали в закат.

